

18+

ДМИТРИЙ КАЛМЫКОВ

Записки уездного учителя П. Г. Карудо

Дмитрий Калмыков
**Записки уездного
учителя П. Г. Карудо**

«Издательские решения»

Калмыков Д.

Записки уездного учителя П. Г. Карудо / Д. Калмыков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516777-4

Роман-приключение, на стыке направлений: мистический реализм и фантастика. Молодой учитель приезжает в глухую русскую провинцию начала 20-ого века. В перспективе — унылая жизнь преподавателя в реальном училище. Однако он втянут в водоворот уголовного расследования, политической игры накануне первой русской революции, становится свидетелем и участником кровавой мистической драмы, которая переворачивает его представления о добре и зле, о возможностях человека и животного.

ISBN 978-5-00-516777-4

© Калмыков Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. О том, кто я такой и откуда взялся	7
Глава II. На подступах к Устюжне	15
Глава III. Училище	19
Глава IV. Выход в свет. Непоседливые гимназисты	24
Глава V. Враги навеки	31
Глава VI. Визит к доктору	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Записки уездного учителя П. Г. Карудо

Дмитрий Калмыков

© Дмитрий Калмыков, 2020

ISBN 978-5-0051-6777-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Записки уездного учителя П. Г. Карудо» – роман-приключение, роман-стилизация, роман на стыке направлений: мистический реализм и фантастика. Молодой учитель приезжает в глухую русскую провинцию начала 20-ого века. В перспективе – унылая жизнь преподавателя в реальном училище. Однако очень скоро случай открывает ему изнанку «скучной» провинции. Он оказывается втянут в водоворот уголовного расследования, политической игры накануне первой русской революции, а в довершении всего становится свидетелем и участником кровавой мистической драмы, которая переворачивает представления молодого человека о добре и зле, о возможностях человека и животного.

Записки уездного учителя П. Г. Карудо.

Предисловие ко второму изданию и опыт автобиографического письма.

Прежде всего, позволю себе начать с краткого объяснения. Лично я против каких угодно предисловий. Так уж повелось, что в предисловиях писатель либо расшаркивается перед читателем, либо принимает невозможно благородную позу и начинает с придыханиями повествовать о тяжком, но благородном пути, который ему довелось пройти, создавая свое произведение. У меня же нет никакой охоты ни до того, ни до другого. Посему спешу сообщить, что к написанию этого предисловия вашего покорного слугу толкают две причины, больше связанные с необходимостью, нежели с личным желанием автора.

Первая – категорическое требование издателя. В первоначальном виде мои записки выходили в новгородской газете «Губернский Вестник» и повествовали сугубо о тех событиях, которым я оказался свидетелем. Теперь же, когда готовится издание отдельной книгой, издатель настоял, чтобы записки предварялись кратким вступлением и небольшой автобиографической справкой.

Таким способом издатель надеется придать повествованию большую реалистичность. Тут уж я умолкаю, поскольку лично мне это кажется смешным. Кого в наше время можно уверить в чем бы то ни было напечатанным предисловием? По мне, уж если кто не верит, так и пусть его. Конечно, события, о которых будет рассказано ниже, имеют некий фантастический оттенок, однако ж спешу уверить, что я не Эдгар По, и Господь Бог не соблаговолил осенить меня мрачной фантазией, присущей этому американскому романтику. Впрочем, справедливости ради скажу, что не только мрачной, но и любой другой фантазии у меня нет.

Вторая причина куда более личная. Дело в том, что вот уже несколько месяцев я получаю письма от некой Варвары Генриховны Болицкой. Эта особа называет себя близкой родственницей главного героя моего повествования, требует немедленного оправдания, *«очистки репутации благородного человека от гнусных наговоров подлейшего из всех литераторов»*.

Перво-наперво, спешу сообщить Варваре Генриховне, что название «подлейший из литераторов» никоим образом не может быть мне приписано, поскольку литератором я не являюсь. Впредь прошу ограничиться лишь предшествующим «литератору» эпитетом. Написать же

о похождениях и проказах родственника Варвары Генриховны я решился лишь потому, что стал свидетелем оных.

Суть и сама форма его деяний были настолько из ряда вон выходящими, что они не могли остаться незамеченными. В конце концов, если не я, так другой бы непременно явился.

Кроме того, хочу сообщить, что сама Варвара Генриховна никаких сношений со своим злополучным родственником не имела уже много лет. Мне никогда не доводилось слышать, чтобы покойный когда-либо упоминал о ней, писал к ней письма или же получал таковые от нее. Впрочем, на стене в кабинете Андрея Пшемисловича – главного действующего лица сей повести висела дагерротипная карточка тридцатилетней давности, сделанная в порту Кенигсберга, на которой был изображен сам хозяин кабинета перед отплытием в Южную Америку, один пожилой мужчина и какой-то некрасивый ребенок с капризной физиономией.

Могу лишь предположить, что последний и есть Варвара Генриховна. Посему сообщаю Варваре Генриховне, что никакого опровержения не будет. Более того, я приложу все усилия, чтобы дела, совершенные якобы ее «дядюшкой Анджеем», получили максимально широкую огласку, поскольку без содрогания я не могу вспоминать о них и по сей день. Единственное, что Варвара Генриховна может сделать для своего родственника – молиться, чтобы черти в аду оказались к нему более милостивы, нежели он к иным людям.

Глава I. О том, кто я такой и откуда взялся

Что ж, расскажу немного о себе, хоть и должен предупредить читателя, что никаких необычайных сведений сообщать не намерен. Проистекает сие не из скрытности характера моего, но исключительно из-за заурядности и даже некоторой типичности того пути, по которому прошли мои предки, да и я сам. Единственное, что может быть действительно любопытно, так это фамилия. Пожалуй, с нее и начну. Она несколько не типична для русака, имеющего к тому же довольно низкое происхождение.

Фамилию Карудо носил мой прапрадед, он был военным моряком, офицером португальского флота. В России же он оказался милостью Петра Великого, пригласившего его на службу в начинающийся русский флот. Сколько мне известно по семейным преданиям, он обладал неистовым нравом и муштровал русских матросов с такой яростью, что... за отличную службу капитану Мануэлю Карудо был пожалован дворянский титул.

Он крестился в православную веру, был наречен Михаилом и сочетался браком с русской дворянкой – девицей Аполлинарией Хилковой. Сразу после венчания молодые отбыли в имение Хилковых, в глушь Новгородской губернии, где у них вскорости родился сын Иван, и откуда мой пращур-капитан уже никогда и никуда не выезжал, напрочь забросив службу во флоте Его Величества.

Мне представляется, что уже первый отпрыск был совсем русским, утратившим какие бы то ни было следы своего южного происхождения, кроме, пожалуй, горячего нрава. Словно проклятие, эта самая вспыльчивость и необузданность преследовала наш род, пока не угасла на последнем из отпрысков Карудо, то есть на мне. Я хоть и нервозен, однако отнюдь не склонен к вспышкам ярости, которым были так подвержены мои предки.

Однако ж вернемся к прадедушке Ивану, ибо именно ему наш род обязан крутым поворотом в судьбе, предопределившим будущее остальных потомков. Лет до двадцати Иван Михайлович жил и воспитывался в имении матери, в глухой провинции. Затем был отправлен в Петербург, ко двору восшедшей тогда на престол Екатерины Великой. В Петербурге он довольно скоро женился на придворной даме, кажется, немке. Ни имени, ни звания ее семейное предание не сохранило. С этой самой немкой в судьбе Ивана Михайловича началось то, что можно было бы назвать романом, если бы не сугубая пошлость и лживость, овевающая всю эту историю, которую я сотни раз слышал от собственного отца, и еще раньше от деда. Впрочем, перескажу ее, раз уж такова судьба.

Однажды на балу императрица увидела юного красавца Ивана Михайловича Карудо и, что называется, врезалась в него по уши. Иван же Михайлович все домогательства царской особы отвергал, объясняя это тем, что грешно, мол, при живой жене распутничать. Матушка императрица приняла это заявление всерьез и извела супругу целомудренного Ивана Михайловича. Мера сия несколько не способствовала удовлетворению страстей, бушевавших в сердце (или где там еще бушуют страсти?) Екатерины, ибо убитый горем вдовец не мог и взглянуть без отвращения на царственную отравительницу. Такой окончательный отказ, в конце концов, взбесил Екатерину, и Иван Михайлович был сослан в Сибирь, в каторгу.

Такова, как говорится, легенда. Взаправду же ничего такого не было. Просто однажды прадед мой Иван Михайлович в приступе бешенства прибил свою супругу насмерть, за какое-то деяние и был лишен дворянского титула и осужден в каторгу. Но на том история не кончается. Отбыв положенные ему восемнадцать лет каторжных работ, Иван Михайлович был отпущен на поселение без права въезда в столицы.

Ни сибирские морозы, ни адский труд в каменоломне не подорвали его здоровья. На воле Иван Михайлович очутился крепким и суровым стариком, осел в Ишиме, повторно женился

на мешанке Марфе Хохряковой, от которой родился сын Василий – мой дед, и завел собственное портняжное дело, которое и передавалось по наследству всем мужчинам в роду Карудо.

Жизнеописание последующих поколений я опушу, ибо кому ж теперь интересен убогий быт портных самого низкого пошиба? Вот только скажу, что дед мой каким-то чудом сумел перебраться из Ишима в Петербург, где и стал влачить существование еще более жалкое, нежели в далеком сибирском уезде. Мой же отец, Григорий Васильевич, довел семейное ремесло до степени самого низкого падения, поскольку был необычайно привержен к употреблению спиртного. Сколько себя помню, всю жизнь мы ютились в тесных и холодных комнатухах. Да и из тех нас время от времени гнали за неуплату и папашино буйство. Последним нашим пристанищем стала тесная клетушка в доме на П-ской улице. Там мы проживали все четвером... Ах, да! Два слова о составе нашего семейства.

На папаше моем сломалась одна фамильная черта: у всех Карудо первенцами были мальчики, у него же родилась девочка. Событие это сильно озадачило папашу и стоило моей матери немало пролитых слез и безвозвратно утраченного здоровья. Папаше взбрело в голову, что девочку мамаша нагуляла. В этом мнении он и пребывал до самого момента собственной смерти. Думаю, что и в его отсеченной голове эта мысль (одна из немногих, приобретенных за тридцать с лишком лет жизни) какое-то время оставалась. Пожалуй, об этом презабавном во всех отношениях случае я расскажу отдельно, к тому же много времени это не займет.

Однажды ноябрьским днем папаша прогуливался по Гороховой улице. Несмотря на ранние часы, был он сильно под парами, то есть в обычном своем состоянии. Очевидно, это стало причиной рассеянности и излишней слабости в ногах. Словом, папаша оскользнулся и влетел головой в витрину галантерейного магазина. Толстое витринное стекло разбилось, и изрядный осколок, подобно гильотинному ножу, съехал и отсек папаше голову. Случай этот, кстати говоря, был удостоен краткой заметки в газете «Слухи». Похоронили его без почестей и салютов в безымянной могиле, на государственный счет, ибо у нас в дому денег не водилось.

Несмотря на грядущие тяготы и еще большую нищету, все мы после смерти дражайшего родителя вздохнули с облегчением. Более всех, конечно, мать моя Авдотья Николаевна. Шутка ли, на протяжении почти десяти лет терпеть унижения и побои, безо всякой надежды на явление помощи с какой бы то ни было стороны. Впрочем, справедливости ради должен сказать, был один человек, заступавшийся за мать. Это была моя сестра Дарья. Еще будучи совсем малюткой, едва научившись ходить, она бесстрашно бросалась между бушующим папашей и обезумевшей от страха и боли матерью и висла на здоровенных кулачищах моего родителя.

Вспоминая теперь картины нашего страшного детства, я прихожу к выводу, что по какой-то необъяснимой причине папаша боялся Даши и ни разу не поднял на нее руки. Не исключаю, что в пропитом мозгу его витала мысль о том, что Дашутка происходит от нечистой силы. Как бы это ни показалось странным и даже абсурдным, в таковой идее есть хотя и извращенная, но все же логика, ибо до самой смерти папаша мать моя даже словцом не перебросилась ни с одним мужчиной. Видать, каким-то задним умом, куда не достигали пары сивухи, папаша понимал это. Ну а раз не от смертного, так, значит, от черта (в самом деле, не от ангела же!) в роду Карудо появилась девочка-первенец.

Да и в самом деле такая безграничная смелость малого дитяти, к тому же женского полу, кого угодно заставила бы задуматься. К слову, я лишь однажды вмешался в родительскую ссору и тут же был осчастливлен весьма запоминающимся подарком: папаша что было духу ударил меня кулаком в грудь. Ощущение было такое, будто легкие у меня лопнули, точно новогодняя хлопушка. Воспоминание о той неприятности до сих пор очень живо, поскольку я и по сей день не могу избавиться от болезненного кашля – единственного наследства, полученного от папаша.

Итак, родитель мой скончался, оставив мать одну-одинешеньку с двумя малолетними детьми на руках, которых нужно было не только прокормить, но и во что-то одеть перед вступающей в силу зимой. И тут мать моя, всегда забитая и тихая, развела невероятно кипучую деятельность. Не было минуты, чтобы она просидела сложа руки, постоянно бегала из дому в поисках заработка, заводила знакомства, обивала пороги и прочее и прочее. Словом, мы с Дашей только и могли, что сидеть разинув рот и наблюдать за мелькающей по комнате матерью.

Однако ж нет... Это только я сидел да глазами хлопал, Даша же как могла помогала матери, что-то шила и штопала. И тем не менее, к концу первого в нашей жизни одинокого месяца стало очевидно, что заработков решительно не хватает даже и на пропитание. И тут на смену бурной деятельности пришло глубочайшее отчаяние. Я помню, как однажды вечером мать пришла в комнату и села в углу. Только что у нее состоялся разговор с домовладелицей. Нам должно было съехать.

Мать долго сидела безо всякого движения, пока слезы не покатались у нее из глаз... Словом, не хочу и не буду описывать ту жалкую сцену, которая разыгрывалась в нашей убогой комнатенке. Дело тут совсем в другом, ибо как только низвержение в пропасть отчаяния, казалось, достигло своей низшей точки, дверь в нашу комнатушку отворилась. В дверном проеме мы трое увидели молодую барышню, одетую не бедно, но и не богато, во всяком, случае куда чище и опрятнее нашей матери.

Все мы были несколько обескуражены явлением незнакомки и потому молча хлопали на нее глазами, не зная что сказать. Видя наше замешательство, барышня поспешила представиться. Оказалось, она была послана из дома госпожи И-ской, где служила горничной. Моей матери удалось перехватить там кое-какой работенки.

Барышня сообщила, что госпожа приглашает нашу мать к себе для разговору и просит прибыть завтра же поутру. Видно, от свалившихся невзгод мать моя окончательно перепугалась, вздумала, будто госпожа недовольна ее работой, и со слезами на глазах принялась рассказывать о горькой судьбе и прочее и прочее. Барышня же поспешила прервать эти совершенно до нее не касающиеся причитания, ибо ее дело передать послание да еще кое-что. Тут уж мы все наострили уши – какое еще «кое-что»? Спустя мгновение барышня извлекла из кармана несколько монет и протянула матери. Мать с недоверием смотрела на деньги и не решалась взять. Впрочем, колебалась не слишком долго. Когда все было сказано и передано, барышня споро покинула нашу комнатушку, а у нас впереди была тревожная бессонная ночь. Что могло понадобиться г-же И-ской? И с чего вдруг эти деньги?

Не буду тянуть да размазывать. Не для какой-нибудь там интриги, в конце концов, эти записки и начинались. Дело с г-жой И-ской заключалось в следующем: моя мать действительно брала у нее какую-то черную работенку, а барыня эта, жена небыизвестного в Петербурге юриста и мецената Валентина Сергеевича И-ского, еженедельно давала себе труд общаться с экономкой и выспрашивала ту последнюю, кто да почему к ним ходит. И вот экономка эта рассказала своей барыне жалкую историю моей матери. Вот г-жа И-ская и решила принять в ней участие и не позволить всему семейству погибнуть от голоду да холоду.

На следующий день, с раннего утра моя мать отправилась к г-же И-ской. Мы же с Дарьей остались дома и, кажется, за все время, что нашей матери не было дома, ни разу не слезли с лавки, все глазели на дверь да не смели шелохнуться. Наконец, вернулась мать. Со слезами радости на глазах. Г-жа И-ская давала ей место прачки в собственном доме, с кровом и столом. Эта дама, следуя примеру мужа, решила совершать благодеяния в самом передовом смысле этого действия. Она предпочитала давать голодному удочку, а не рыбу.

Нельзя сказать, что с того дня мы зажили счастливо, однако угроза голодной смерти пропала, что вселило в нас добрую надежду. Не обошлось и без некоторого мистицизма. Поскольку

события эти случились в канун Рождества, я, со свойственной всем детям наивностью, увидел во всем этом длань Господнюю и уверовал. Ненадолго, впрочем...

Итак, мы переехали в господский дом, получили крышу над головой и довольно сытные харчи. Но тем дело не кончилось. За скромным семейным обедом г-жа И-ская рассказала мужу о своем поступке. Тот, думается, неслыханно воодушевился, узнав о такой гражданской сознательности супруги, смешанной с христианским состраданием, и решил, в свою очередь, вмешаться в судьбу нашего семейства. В частности, в мою. У супругов И-ских был сын Миша, мой ровесник. По хилости здоровья обучался он на дому, что несказанно расстраивало Валентина Сергеевича, который искренне полагал, что ребенку необходимо общение со сверстниками. Мысль, конечно, неглупая, но сдается мне, что к Мише неприменимая. Уж очень апатичен был и нервозен этот мальчик. Регулярное посещение гимназических классов могло стать для него настоящей пыткой.

Так вот, Валентин Сергеевич рассудил, что будет очень кстати, если я стану присутствовать на Мишиных уроках. Как сказал Валентин Сергеевич моей матери:

– На правах полноценного ученика.

Матушка долго валялась в ногах Валентина Сергеевича, обильно увлажнив ковер его кабинета благодарными слезами. Валентин Сергеевич пытался ее унять, да где уж! Даже довольно веский аргумент о том, что Мише будет полезен опыт общения с представителем «низших классов», не смог утихомирить мою родительницу.

Так, нежданно-негаданно я стал получать образование. Коснусь этого предмета лишь вскользь, и то потому лишь, что этот поворот судьбы сыграл определенную роль, и не случись его, не писать бы мне этих записок.

Наша с Мишей учеба протекала довольно-таки тихо. Валентин Сергеевич старался приглашать в учителя людей молодых, с «передовыми взглядами». В большинстве случаев так и выходило. Многие из них были студентами, поголовно одержимые Марксовой теорией классов. Да и не только в Марксе было дело, хватало и своих доморожденных кумиров. Словом, различий между мной и Мишей в самом деле не делалось, что со временем стало меня обижать. Наука давалась мне без особого труда, чего никак нельзя было сказать о Мише. Уж и не знаю, в чем там было дело, но порой этот мальчик не мог связать и двух слов о предметах столь обыденных, что, пожалуй, и коза Нюрка проблеяла бы что-нибудь на их счет, коснись испросить ее мнения. Миша обнаруживал полное отсутствие каких-либо знаний по всем точным и естественным дисциплинам. Да к тому же во мне развилась странная и необъяснимая черта (со временем, слава богу, побежденная): стоило мне услышать вопрос учителя, как ответ вырывался из меня абсолютно самостоятельным порядком, даже если и вопрос адресовался не мне. Будто бес какой меня подталкивал. Эти мои совершенно непреднамеренные выходки фактически лишали Мишу малейшей возможности дать ответ. Из-за чего у Миши, думается, развилось против меня некоторое предубеждение. Хотя, на мой взгляд, столь малоудовлетворительная учеба нисколько не расстраивала Мишу.

Объяснюсь, дабы у читателя не сложился в отношении Миши образ эдакого мрачного Митрофанушки. Отнюдь, он был не таков! Миша выказывал необыкновенные успехи в том, что принято называть изящными науками. Он необыкновенно много читал, в основном поэтов, часто уединялся в комнате с мольбертом и палитрой.

Рисунки его, когда случалось увидеть их, пугали меня столь сильно, что по ночам я метался в постели, преследуемый черными как смоль воронами, падал в бездонные пропасти, был удушаем ожившими деревьями и прочее. Когда же Миша садился за виолончель, начиналось настоящее волшебство. Мне казалась чем-то абсолютно невероятным, способность его извлекать подобные звуки из-под лакированной деки этой гипертрофированной скрипки. Учителя наши, зная о таковых наклонностях Миши, только разводили руками, мол, каждому свое.

Был один только учитель, не вписывающийся в эту идиллическую картину. До сих пор не могу взять в толк, каким образом ему вообще удалось оказаться в доме И-ских? Хотя, если вдуматься, обнаружишь, что ответ-то как раз под носом. Этот учитель наш по географии, Степан Гаврилович, был просто-таки гоголевским или даже щедринским типом подхалима и проныры. Было ему уже за пятьдесят, но и тени солидности в этом престарелом хлыще не обнаруживалось. В доверие к Валентину Сергеевичу он, видать, втерся благодаря грубой, но и весьма изощренной лести. О, на этой смазке Степан Гаврилович мог пролезть куда угодно, хоть в игольное ушко, прихватив с собой верблюда, нагруженного скопленным барахлом! Впрочем, барахла у него скопилось не так уж и много. Как выяснилось позже, любил Степан Гаврилович кутнуть.

Этот вот Степан Гаврилович и оказался единственным моим мучителем. Как и всякий порядочный истязатель, все свои силы он направил против моей души. Ни разу не случилось мне получить наказания линейкой или же розгами. Тем не менее, неизвестно, отчего именно пострадал бы я больше. Степан Гаврилович откровенно брезговал мной, в глаза называл «кухаркиным сыном», высмеивал самым подлым образом любую ошибку, закравшуюся в мой ответ, ругал меня выскочкой и велел «целовать ручки у Мишеньки за его ангельское терпение к смерду», иначе не миновать бы мне «горяченьких». Перед Мишей же Степан Гаврилович заискивал, был приторно-ласков и любезен.

Само собой, делалось все так, чтобы я видел ласку и вежливость в отношении Миши, а Миша видел мои унижение и беспомощность. Очевидно, по плану Степана Гавриловича таким образом у Миши должно было сформироваться положительное мнение о наставнике, которое он непременно доложит папеньке.

К чести Миши, скажу, что ничего подобного не случилось. Мишу лишь в самом начале повеселила манера Степана Гавриловича обращаться со мной, чего никак не могу поставить ему в вину, ибо, как уже говорилось, я преизрядно допек Мишу своими внезапными и неуместными, но неумолимо верными ответами на уроках. Очень скоро я увидел, что Степан Гаврилович откровенно противен Мише. И дело было, конечно, не во внешности старика. Хотя тут было отчего отворотиться: вечно сальные длинные седые локоны с пролысинами, из которых торчат трупного цвета уши, нос, подобный подгнившему овощу, мелкие бусинки глаз со странным недобрый огоньком и вечно змеящиеся губы. Но вряд ли именно это смущало Мишу. Противна была вся манера Степана Гавриловича. Я видел, что от тех моральных истязаний, которые мне доставались, Миша страдал чуть ли не столько же, сколько и я. Лишь странное чувство благородства и уважения (несмотря ни на что!) к учителю не позволяли ему пойти и наябедничать отцу.

В мерзейшем обществе Степана Гавриловича мы провели всего полгода. Вот пишу и удивляюсь, сколь благосклонна ко мне судьба! Все-то отводит. Тьфу-тьфу-тьфу (стучу по дереву). Однажды утром он просто не явился на урок. Не явился и на следующий день. Скоро я узнал из кухонных сплетен, что Степан Гаврилович был найден мертвым в одном веселеньком заведении и что хватил старика удар прямо в объятых известного рода девицы.

Избавление это сделало дальнейшую мою учебу практически безоблачной. Заболтавшись об учителях, чуть не упустил главного. С момента моего принятия в качестве ученика в домашнюю школу Валентина Сергеевича в нашем семействе произошло серьезное изменение. В глазах матери я вдруг сделался «надеждой всей семьи». Несчастной женщине вдруг причудилось, что мне удастся выбиться в люди, со временем поступить в должность и вывести всех нас из унижительной и страшной нищеты. Мало насмотрелась она на помиравших с голоду студентов, время от времени деливших с нами углы!

Так или иначе, отношение ко мне сильно переменялось: мне позволялось больше отдыхать, то есть попросту бездельничать, меня изредка баловали пряничком за вечерним чаем, говорили со мной всегда ласково и вежливо. Все же шишки сыпались на Дашу. Она стала

настоящей черной прислугой, вместе с матерью стирала, шила и готовила, но за помощь эту никогда не видела и тени благодарности.

В особенности это различие между мной и Дашей усилилось после того, как закончился мой курс обучения. Курс закончился, а вот благодеяниям семьи И-ских, казалось, и конца не будет. Валентин Сергеевич решил «не бросать на полпути» дело моего образования и помог мне определиться в Петербургский учительский институт, взяв на себя расходы по моему содержанию на весь срок учебы. Причем еще выражал, думается, вполне искренние сожаления, что разлучает нас с Мишей. По слабости здоровья он должен был выехать из Петербурга, а природные наклонности звали Мишу в Тюбингенский университет, изучать философию.

Мне же, по мнению Валентина Сергеевича, было куда более полезно получить какое-нибудь практическое образование. А раз уж сам я учился довольно прилично, то и других учить мне будет несложно. Если тут я и переврал немного слова Валентина Сергеевича, то совсем чуточку, смысл был именно такой. Это был первый раз, когда я усомнился в умственных способностях этого человека.

Мне предоставлялся выбор факультета. Я уже упоминал, что мой однокашник Миша имел дикую страсть к чтению литературы. Частично его интерес передался и мне. Правда, мои интересы в сфере словесности не пошли дальше романов Скотта и Купера.

В отрочестве я, как и большинство мальчишек, мечтал стать путешественником или первопроходцем. Однако постоянный кашель, мучивший меня и грозивший со временем развиться в чахотку, ставил крест на моих устремлениях. Последнее, что я мог сделать – выбрать науку наиболее близкую к моим интересам. Так, вскоре я стал студентом географического факультета, и будущим учителем географии. О, Степан Гаврилович! Ну как тут не упомянуть вас!

Когда мы тесным семейным кружком отмечали за самоваром мое поступление на учебу, Даша вдруг подняла свой стакан чаю и произнесла тост:

– Поздравляю вас, братец! Каких-нибудь четыре года, и вы станете замечательным комнатным путешественником! – при этом глаза ее светились каким-то странным, невиданным мною ранее плутовским огоньком. Выступление это было тем страннее, что до этого Даша была практически бессловесна. В один краткий миг я понял, что совсем не знаю своей сестры. Я смотрел на нее новыми глазами, как на чудо. За этим впечатлением я почти и не обратил внимания на самую колкость, отпущенную в мой адрес. Впрочем, мать не позволила развить это наблюдение.

– Даша! – резко оборвала она сестру. – Что за дерзости? Петруша теперь студент. Глядишь, и сам в люди выйдет, и нас вытащит...

Бедная моя, близорукая матушка! Не на то она тратила силы. Как оказалось потом, в своих нападках на Дашу она походила на того нищего, что использует сундук с золотом в качестве подушки да непрестанно жалуется, что жестко спится. Я же стал настороженно наблюдать за сестрой. Даже как-то припомнились отцовские бредни относительно Дашиного происхождения. Действительно, ведь никакой «карудовской породы» в ней не проглядывалось. А в какой-то миг у меня зародилась слабая надежда, что, может, и я не от плоти отца своего, вдруг некий таинственный и прекрасный господин...

Впрочем, эти надежды рассеялись, стоило мне со сбитым дыханием подбежать к зеркалу. Нос картофелиной – явная отцова метка, да косоглазие – не иначе как следствие пьянства родителя показали, что я ношу фамилию Карудо по праву. Даша – другое дело.

После поступления на учебу я переехал жить в интернат и дома появлялся лишь по церковным праздникам да на каникулы. Потому перемены, произошедшие в Даше, виделись мне с особенной ясностью. О красоте ее физической мне судить сложно, по понятным причинам. Скажу лишь, что черты лица у нее были тонки и почти правильны. Что же касается ума, тут, очевидно, таились такие бездны, заглянуть в которые без трепета просто невозможно. Умна

Даша была тем природным умом, который невозможно выскрести из книг и за сто лет не выдолбишь на уроках. На все нападки и попреки матери Даша смотрела свысока, не без пренебрежения, но ни разу не высказала и слова поперек. Вообще думается, и на меня, и на матушку она смотрела как на существа низшие, будто она лишь оказалась во временном плену глупых материнских издевательств и моих капризов.

О годах своего обучения сказать мне, по сути, нечего. Учился прилежно, в шалостях не переходил дозволенной черты, педагоги были довольны мною. С товарищами по факультету дружил, хотя особенно близко так ни с кем и не сошелся. Был, правда, один близкий друг, некто Краснецкий, такой же, как и я, выходец из бедноты, да он застрелился от любви к купеческой дочке и модным стихам Федора Сологуба.

Весь срок моего обучения мать продолжала служить прачкой в доме И-ских, а вот Даша... Тут необходимо остановиться особо, поскольку это и к самой будущей истории имеет прямое отношение.

За несколько месяцев до выпуска моего из института, как раз во время пасхальных каникул, я гостил у матушки. Мы сидели за самоваром и ждали Дашу, чтобы разрезать кулич. Уж и совсем стемнело, а сестрицы моей не было. Матушка беспокоилась и не раз уж выходила на крыльцо справляться у дворника, не видал ли? Как вдруг дверь распахивается, и в комнату вбегает Даша, румяная и веселая.

Когда резкие и, прямо скажем, недопустимые в светлый праздник воскресения Христова восклицания матери поутихли, Даша ласково попросила ее присесть, потому как имела сообщить важную новость. Матушка насторожилась, но все же таки присела на краешек стула, чтоб удобнее было вскочить да наградить затрециной «неблагодарную». Однако в этот раз затрецине не суждено было пасть на Дашину шею. Совершенно спокойным тоном Даша сообщила, что с этой самой минуты является невестой некоего господина Бровина.

– Да кто ж он такой, Дарья? – спросила матушка, когда оцепенение несколько спало. – И как прикажешь все это понимать?

Уже зазвучали грозные нотки в голосе матери, но Даша лишь устало вздохнула:

– Ах, маменька, ну как же это можно понимать? А насчет того, кто он такой, завтра обещался заглянуть, вот и познакомитесь.

– Отчего ж завтра? – насторожилась матушка. – Сегодня бы самое то.

– Он человек занятой, сегодня не сумел. Дела, – и Даша бросила в мой адрес скользкий, почти незаметный (да только такой, чтобы я непременно заметил) взгляд, как будто говоривший – «не то что некоторые». После чего легко упорхнула к себе в комнатушку.

– Да как же это... – пробормотала матушка. – А, Петруша?

Я только и сделал, что пожал плечами. Матушка вскочила наконец со стула и ринулась за Дашей. Еще долго из комнаты доносились возмущенные нервические крики, слезы и даже мольбы матери, ответом на которые неизменно была тишина. Не помню ни одного раза, чтобы Даша повысила голос.

Как выяснилось, этот самый Семен Бровин был не кем иным, как сыном... Впрочем, не буду давать фамилию отца даже и в сокращении, уж слишком заметная в Петербурге личность, не дай бог осерчает, что «прописал». В общем, сыном миллионщика и мецената, покровителя искусств. Поскольку же законных детей у мецената не было, то Бровину и предстояло стать наследником капиталов отца. К тому же, сколько могу судить, отец совсем не брезговал своим случайным отпрыском, а даже, наоборот, всячески поощрял и развивал его способности в области коммерции. Где и как сошлись они с Дашей, не знаю и не понимаю, хоть убейте!

Как только выяснились все обстоятельства Дашиной помолвки, особенно в отношении личности жениха, так матушка моя прозрела и, наконец, поняла, в ком настоящая опора ее наступающей старости. Со дня знакомства с Бровиным я как будто стал невидимкой, и хоть сначала и осерчал, но впоследствии был весьма и весьма доволен, что наконец от меня отстали.

Признаться, раньше я с трудом выносил мечтательные разговоры матушки за вечерним чаем о том, как заживем мы, когда я кончу институт и получу место. В мечтах она рисовала быт прямо-таки королевский, а не учительский. Я же с ужасом думал о новых годах грядущей нищеты и жизни молодого учителя с престарелой матерью и сестрой-бесприданницей. А все-таки молодец Дашка! Всем нос утерла! И за шутку, сыгранную со мной, я совсем не в обиде.

Дело тут вот в чем. Обвенчались Даша и Бровин быстро и без особого шика, поскольку Бровин торопился в Москву, где собирался открывать собственный банк. Матушку, само собой, они забирали. И тут драгоценная родительница моя как будто вспомнила о моем существовании и решила просить зятя «замолвить словечко». Я в то время ждал места. В день отъезда Даша подошла ко мне и сообщила, что Семен Евгеньевич сдержал данное мне слово и составил протекцию. Уже на следующей неделе я мог проследовать на место службы.

– Смотри же, братец, – не без хитрицы, которой я тогда не понял, сказала Даша. – Поставь за нас свечку, как прибудешь да обживешься на новом месте.

Я искренне и шумно благодарил сестру, вдруг возмнив, что между нами наконец-таки вспыхнули родственные чувства. Через несколько дней, явившись за путевкой, я обнаружил, что надлежит мне следовать в Новгородскую губернию, в уездный город Устюжну Железопольскую, в Святопетровское реальное училище. В ответ на мое недоуменное бормотание об ошибке, о шуринах и т. д. мне ответили, что не только никакой ошибки нет, но совсем наоборот. Я должен был отправляться к месту как можно скорее, поскольку предшественник мой, человек весьма пожилой, внезапно скончался в возрасте 87 лет, а замещающий его временно преподаватель хоть и молод и силен, однако пьет как сапожник и разглагольствует с учениками самым откровенным образом.

– Такое, подлец, несет! – в сердцах сказал мне чиновник департамента. – Хоть сейчас в каторгу! Да, все кругом знают, что дурак, вот и не связываются. Однако отрокам неприлично с эдаким... Вы-то, милостивый государь, как по части злоупотреблений?

Что ж, ничего мне не оставалось больше, как ехать. Тут, собственно, и заканчивается моя изрядно затянувшаяся присказка. Единственное мне оправдание в том, что сделана она по настоянию издателя. Все же надеюсь, что не сильно утомил читателя подробностями своей заурядной биографии.

Глава II. На подступах к Устюжне

Признаться по совести, получив должность в Устюженском реальном, я думал, что не долго мне осталось пожить. Спасибо сестрице и шурина-благотетелю! Сырой, болотный климат, близость рудных шахт, беспрерывно чадающий оружейный завод неизбежно должны были довести меня, наконец, до чахотки. И в самом деле, после суток, проведенных в вагоне третьего класса, и очутившись на железнодорожной станции в Весьегонске, я чувствовал, что уже заболеваю. А мысль о том, что впереди чуть ли тридцать с лишком верст, проехать которые придется неизвестно как, кроме маеты и темного, неприятного томления ничего не порождала.

Но главное, что поразило меня сразу же по прибытии на означенную станцию, пугающая, прямо мертвенная пустота. У станции не велось торговли, не побирались нищие, не толкались и не кричали извозчики, словом, не было и признака привычных человеческому глазу повседневных обстоятельств. Не знаю, как другие, а я так и придумать не могу ничего более тревожного, чем пустынный уездный город!

Однако ж, как почти всякая мистика, запустение, царившее в Весьегонске, объяснилось довольно-таки обыденным образом. Не найдя себе не то что приличного, а хоть какого-то экипажа, я отправился разыскивать почту со смутной надеждой найти там лошадей и как можно скорее отправиться дальше, в Устюжну.

Пока я шел по улицам городка, мне навстречу попались лишь двое прохожих: первый – дворовый пес весьма неблагопристойного вида, второй – юный мастеровой, еще менее благопристойный, чем первый, встреченный мною. Завидев меня, мастеровой перешел на другую сторону улицы и, раскрыв рот, взирал на меня, как на величайшее чудо. Признаться, после всего этого меня мало удивил тот факт, что на дверях почты висел прекрасный, хоть и не новый, замок. Мне оставалось лишь отправиться обратно на станцию за оставленным там багажом и искать ночлега в надежде, что завтра городок пробудится и явит если не европейскую деловитость, то хоть азиатское гостеприимство.

Но вдруг меня окликнули. Не по имени, конечно, но раз на улице никого не было, так я сразу и понял, что обращаются ко мне. Я увидел невысокого человека, сильно запыхавшегося, в черном сюртуке и брюках, которые прекрасно контрастировали с маленькой, совершенно лысой головой. Человек этот прямо-таки бежал ко мне, периодически вскидывая вверх руку, в которой была зажата шляпа, как будто сигнализировал, в чем уже не было никакой нужды, ибо я стоял и прямо смотрел на него.

– Молодой человек, извините... – из-за сильнейшей одышки он не мог говорить ровно. – Что почта?

Я лишь кивнул на висящий замок.

– Ах ты! – снова задохнулся человек, но теперь как будто от возмущения. – Сторож местный... Подлец! Иди, говорит, братец, к Захудаилову, тому, что держит номера... Он татарин, у него лошади найдутся. Обманул, негодяй! Не то что лошадей нет, так и сам Захудаилов заблаговременно утек к снохе в деревню... Угораздило же!

Я, признаться, не понимал ни слова из того, что говорил этот запыхавшийся субъект, да и не было охоты вникать. Волновало меня лишь то, как поскорее убраться из этого городка. Но пока подбежавший человек отпыхивался, я успел его хорошенько разглядеть: пожилой, но бодрый господин, лет пятидесяти, может, и поменьше, почему-то казалось, что он моложе, чем на вид, физиономия его была совсем невыразительная, маленькое личико, с острым носиком, быстрыми, с красными прожилками глазками и бесцветными губами.

– Так что, во всем городе лошадей не сыщешь? – спросил я человека. Тот вдруг звонко и добродушно рассмеялся, потом очень внимательно осмотрел меня.

– Вы, я так вижу, человек столичный? – спросил он меня.

Я ответил утвердительно.

– В таком случае позвольте перво-наперво представиться – Федор Кузьмич Пролесин, – отрекомендовался человек.

Я тоже представился.

– Да, кажется, влипли мы накрепко, Петр Григорьевич... – задумчиво произнес Федор Кузьмич.

– А что тут, собственно, происходит, ей-богу, как будто чума!

– О, мой юный друг! – Федор Кузьмич даже воздел глаза к небу. – Тут кое-что получше чумы. Угораздило нас оказаться в этом городишке в день именин начальника полиции города.

– И что же? К нему и лошади приглашены?

Федор Кузьмич снова засмеялся своим звонким смехом.

– О нет! Просто все лучшие лошади и экипажи в городе отобраны для увеселительного катания.

– Так я бы, собственно, на лучших и не претендовал. Хоть каких-нибудь бы дали...

– Ааа, – с хитрым видом протянул Федор Кузьмич. – Те, что поплоче, надежно укрыты, не дай бог попадутся на глаза, отберут да еще всыпят за утайку горяченьких!

– Кошмар...

– А я-то, старый дурак! Просто из головы вон вылетело! Я, видите ли, тоже по срочному делу здесь... Вы, кстати, куда путь держите?

– В Устюжну.

– О! – прямо просиял Федор Кузьмич. – Вот уже мелькнула хоть тень везения. Мы с вами получаемся попутчики. Ничего, вдвоем легче будет. Вы, простите мою любопытность, к родственникам?

– Скорее уж по долгу службы. Еду преподавателем в Святопетровское реальное училище.

– Ну, наконец-то! – Федор Кузьмич даже хлопнул себя по бокам. – Прежний-то учитель, тот, что помер, еще ничего был, богобоязненный старичок. А нынешний ваш временный заместитель, – Федор Кузьмич поднял глаза к небу и покачал головой. – Якобинец в самом гадком смысле слова. Мнит себя прогрессивным человеком, а не знает, что со времен Французской-то революции много воды утекло и сами революционеры нынче другие... Ему бы самому поучиться, ума поднабрать, а все туда же, преподавать! Впрочем, наш барон его уж проучил разок, вожжами на конюшне.

– Вы, я вижу, хорошо осведомлены. Тоже по преподавательской части?

– Ну что вы! Служу помощником поверенного в нотариальной конторе. Да город-то маленький. А истории с этим, простите за выражение, типом, всегда громкие. Но что-то мы совсем заболтались. Мне в город непременно сегодня попасть нужно.

– Да и мне задерживаться резону нет, – сказал я, и мы отправились на поиски лошадей.

Федор Кузьмич показал себя человеком деятельным и несомненно осведомленным. В какие-то полчаса мы обежали пять постоянных дворов и конюшен, и хоть толку от того не было вовсе, зато я был абсолютно уверен, что лошадей на тех дворах действительно не было. Мой спутник так умел втереться в разговор, столь был внимателен к словам и самим жестам собеседника, что у того не было ни малейшего шанса что-либо скрыть. Я поймал себя на мысли, что и со мной Федор Кузьмич заговорил довольно ловко и запросто, и вот уже знает обо мне довольно многое.

Словом, после всех ухищрений нам удалось выяснить, что у некоего кузнеца гостит деверь, прибывший к родственнику из соседней деревни на собственной лошади. Мы отправились к кузнецу, и после долгих препирательств тот открыл своего деверя и его лошадку. Деверь этот оказался довольно молодым еще крестьянином, с лицом, невероятно заросшим бородой, которая, по-видимому, добавляла ему не менее десятка лет. Вообще, он оказался мужиком чрезвычайно умным, хотя ум этот был такого свойства, что, пожалуй, мог только

раздражать окружающих. Поначалу он страшно перепугался и принялся было молить Христом-Богом не отбирать лошади, но довольно скоро понял, что его имуществу ничего с нашей стороны не угрожает. Наоборот, очень скоро он сообразил, что имеет хороший шанс пожить, и стал беспощадно торговаться, назначая цену, впятеро превышавшую даже довольно щедрое предложение Федора Кузьмича.

– Судите сами, – бормотал деверь. – Риск-то каков! Потом не воротишь...

– Так что ж ты, братец, одним махом и телегу и клячу окупить хочешь, да на сладки пряники чтоб осталось? – тщетно возражал Федор Кузьмич.

Наконец, о цене договорились, и можно было двигаться в путь.

Сейчас мой отъезд из Весьегонска представляется весьма комичным, хотя тогда я был весьма и весьма раздосадован. Во-первых, предстояло тридцать верст трястись на телеге, во-вторых, возничий наш наотрез отказался заезжать на станцию за моим багажом, который мне все-таки пришлось волочь самостоятельно (правда, не без помощи Федора Кузьмича) до дома кузнеца, в-третьих, до выезда из города я обязан был лежать на телеге и изображать умирающего больного, едущего благословиться в последний путь у единственной тетки. Федору же Кузьмичу была отведена роль поверенного.

– Его превосходительство – человек набожный, – пояснял хитрый деверь. – Такой транспорт не посмеют законфисковать...

Выдумка пришлось явно по вкусу Федору Кузьмичу, на возничего нашего он взглянул даже не без уважения. Словом, так и тронулись. Как только я улегся на телеге, возничий совершенно по-хозяйски присыпал меня соломой.

– Эдак вид боле жалкий, – пояснил он.

Федор Кузьмич был полностью доволен и, кажется, весел. Хотя я и досадовал на него за отсутствие сопереживания моему шутовскому положению, однако ж сознавал, что в лице его обрел ценного знакомого. Из его рассказов можно было заключить, что в Устюжне он знает всех и вся, принят во всех лучших домах, свой человек в обществе и прочее.

– Кстати, насчет общества, не переживайте сильно, – утешал меня Федор Кузьмич. – У нас, конечно, не столица, но людей интересных много, не заскучаете. Вот взять хоть нашего барона! Такой типаж и в Петербурге, пожалуй, не сыщете. А ну, стой! – крикнул он вдруг вознице.

– Что такое? – недоуменно пробормотал возница, а Федор Кузьмич уже скакал через колеи к большой серой покосившейся избе, довольно мрачного вида.

Мы пересекли черту города, и посему я решил подняться и привести себя, наконец, в должный вид. Но не тут-то было!

– Лежите, барин, – умоляюще заговорил возница. – Тут парк рядом, там-то самое гуляние и есть. Не ровен час, его превосходительство нагрят.

– Да зачем же они будут из парка отлучаться? – недоумевал я.

– Дело известное! – усмехнулся возница и кивнул в сторону избы, и, как будто отвечая его словам, из-за леса послышалось веселое гиканье и топот многих копыт. Шум веселья пролетел мимо, и снова все стихло, ни одной живой души так и не показалось. Возница стянул шапку и перекрестился. Тут из дверей избы показался Федор Кузьмич. Он ловко и споро прыгал через лужи, направляясь к нашей телеге. За пазухой сюртука он что-то придерживал.

– Вот каналья! – более весело, чем сокрушенно, воскликнул Федор Кузьмич. – Туда же, карга старая, отпускать не хотела! Все, говорит, забрали. Да я ее знаю!

Как немедленно выяснилось, Федор Кузьмич говорил о бабке, незаконно торговавшей вином прямо с крыльца избы. По случаю именин бабка сочла за лучшее временно прекратить торговлю, тем не менее, Федору Кузьмичу удалось-таки выудить у нее полштофа водки. Запрыгнув на край телеги, он вынул из-за пазухи свою добычу.

– Не сочтите за дерзость, – проговорил Федор Кузьмич, протягивая мне зеленоватую бутылку. – Я и сам не любитель, исключительно ради спасения от сырости и ветра.

– Благодарю покорно, не имею склонности, – ответил я именно то, что было чистой правдой, спиртное я не мог переносить ни в каких видах.

Федор Кузьмич похлопал возницу по плечу, и мы тронулись. Он несколько насупился, услышав мой отказ, но, сделав пару глотков, снова вернулся к оживленному настроению духа, а скоро возобновил и свои увещевания насчет города.

– А если касательно женского полу, – доверительно понизив тон, продолжал Федор Кузьмич. – То уж тут никакими средствами не сможете переубедить, будто есть где-то краше девицы, чем в нашем городе. Самые-то лучшие цветы в провинциальных оранжереях произрастают. А в столицу их только на показ привозят. Не так ли?

– Пожалуй, самые красивые цветы к нам из-за границы везут, – несколько угрюмо ответил я.

– Ну, умыли вы меня! Прямо умыли! – радостно воскликнул Федор Кузьмич и сделал большой глоток своего зелья.

Он, кажется, не заметил моей угрюмости, чему я только обрадовался, как и тому, что разговор свернул на другую тему. Дело в том, что к тому времени общение мое с прекрасной половиной человечества было крайне неудачным. В присутствии дам я конфузился, говорил глупости, а то и пошлости, в итоге сам же отчаянно за них краснел. В общем, предмет этот был весьма и весьма щекотливый.

В душе я жаждал и искал общения с дамами, и не то что в каком-то там особенно сладострастном смысле. О нет! Самый невинный разговор в обществе удовлетворил бы меня абсолютно, пока, по крайней мере. Я чувствовал неодолимую потребность женского общества. Потому хоть я и выказал внешнее любопытство, когда разговор зашел о сельском хозяйстве, а затем и промышленности Устюженского уезда, но внутренне возликовал возможности быть представленным, так сказать, на дамской половине устюженского общества.

Путь наш до Устюжны завершился, уже когда бледные северные вечера совсем загустели. Потому я не смог составить отчетливого первого впечатления о своем новом месте жительства. Да, пожалуй, и к лучшему. Что бы я мог сказать об Устюжье после всех дорожных приключений, сырости, холода и жесткой тележной тряски на протяжении последних тридцати верст? Однако впереди были новые хлопоты. По прибытии в город я имел предписание явиться к директору училища, который и помог бы мне найти квартиру. Но, учитывая обстоятельства столь позднего моего прибытия в город, я считал неприличным стучаться в дверь постороннего мне человека. Потому я и обратился к Федору Кузьмичу с вопросом о номерах или, на худой конец, постоялом дворе. Надо сказать, что возлияния, которыми Федор Кузьмич отнюдь не пренебрегал на всей длительности пути, сильно его ослабили. Однако, несмотря на несколько рассеянное состояние свое, Федор Кузьмич запретил мне даже и думать о таких пустяках.

– Мне все равно сейчас в контору надо заглянуть, хотя уже и за полночь, – проговорил Федор Кузьмич. – Там у меня прекрасный кабинет, диван – что перина. Выспитесь как младенец.

– Неудобно как-то, честное слово, – меня действительно сконфузило предложение Федора Кузьмича, и так уж он для меня достаточно сделал. – Уж я лучше бы в гостинице...

– Ну-ну, бросьте! Право, обидите меня отказом, – надулся Федор Кузьмич. – И неудобного ровным счетом ничего нет. Там сторож Тимошка, большой души человек! Я ему наказ сделаю, никто вас не побеспокоит. А уж с утра я сам за вами явлюсь.

На том и порешили.

Глава III. Училище

Кабинет, в котором устроил меня на ночь Федор Кузьмич, оказался хоть и чистой, но очень маленькой комнатенкой с письменным столом у единственного окна и старинным диваном у стенки. Остального пространства в помещении хватало ровно на то, чтобы вошедший в кабинет посетитель мог усесться на стул против стола. Справедливости ради скажу, что выпался я довольно хорошо, диван оказался весьма комфортабельным ложем.

Утром конторский сторож Тимофей, которого я ни в коем случае не мог назвать Тимошкой ввиду его грузной солидности, провел меня в комнату, где я смог умыться. Сама контора занимала двухэтажный особняк, и когда я шел из своей «спальни» с полотенцем, перекинутым через плечо, вслед за Тимофеем, то навстречу нам уже попадались служащие с бумагами да папками в руках. Удивительно, но ни само мое присутствие, ни мой затрапезный вид никого не заставили даже брови приподнять. Все происходило как бы совсем естественно, будто по коридорам конторы ежедневно проходят люди в одних рубахах и панталонах, с полотенцами да мылом.

Тимофей, отрекомендованный Федором Кузьмичом как человек «большой души», действительно подтверждал это звание. Походил он скорее на швейцара в хорошем петербургском доме, чем на сторожа. Носил седые, но пышные бакенбарды, был молчалив и исполнен достоинства. Быть может, мой внешний вид и не смутил никого единственно потому, что шел я в сопровождении Тимофея. Признаться, я всегда завидовал таким людям. Казалось бы, что он такое? А вот всякий ему кивает, и тайну души доверит, и совета спросит. Да и Тимофей не оплошает – тайну сохранит, совет даст.

А вот еще вопрос, да поважнее первого: почему такие, как Тимофей, люди, как правило, не имеют в жизни своего естественного продолжения? Как ни встретишь такого, так непременно узнаешь, что сын его пьяница и балагур или того хуже. Что дочь бежала с офицером и прочее, и прочее. Ну да к этому еще вернемся.

Воротившись в кабинет, умытый и расчесанный, я застал там Федора Кузьмича. Был он в прекрасном расположении духа, невзирая на довольно-таки обильное вчерашнее возлияние.

– А, вот и вы! – вскричал он, стоило мне ступить через порог. Сидел он не за столом, а на диване, будто и правда это он был моим гостем. – С добрым утречком! Как почивали?

– Благодарю вас, Федор Кузьмич. Все благополучно, – ответил я.

– Ну и чудно! А что я говорил? Ведь чисто перина, а не диван!

Я вдруг опомнился.

– Вы меня простите, Федор Кузьмич, я сей же час уберусь. Вам небось работать нужно...

– Ничуть не бывало, – весело проговорил Федор Кузьмич. – На сегодня выходной взял. Во-первых, заслужил-с, во-вторых (и главных!), не хочу вас покидать, так сказать, на полдороге.

– Что вы! И так я вам по гроб жизни обязан! Уж и не знаю, чем отплатить.

– А вот что! Для начала давайте-ка позавтракаем вместе. Не откажите в компании.

– Я с превеликим удовольствием. Только вот не знаю, мне ведь в училище к начальству явиться надо.

– Не извольте беспокоиться. Алексей Иваныч, директор Святопетровского вашего, ранее полудня в стенах училища не появится.

– Вам это наверное известно?

– Специально справился, Петр Григорьевич. У них жена хвора. Я как раз по дороге сюда нашего доктора встретил, так он мне все и объяснил.

– Что ж, тогда пожалуй.

Мы вышли из конторы. Перед самой дверью прямо на крыльце сидел Тимофей и, видимо, поджидал нас. Завидев Федора Кузьмича, он встал и подошел к тому почти вплотную.

– Федор Кузьмич, батюшка, вы уж и сегодня приглядите, хоть вполглаза, – понизив голос, проговорил Тимофей. Было странно видеть на его степенном лице просительное выражение. – Так одолжите старика, что уж...

– Ну, что ты, что ты, Тимофей, – перебил его Федор Кузьмич. – Бог с тобой, какие уж там одолжения! Пригляжу как за своими.

– Дай, вам Бог здоровья!

– Ты лучше вот что, Тимофей, – сказал Федор Кузьмич. – Багаж Петра Григорьевича пока у себя сбереги. Петр Григорьевич, вы когда намерены на квартиру въехать?

– Думаю, сегодня к вечеру непременно определюсь, – ответил я, хоть и не знал пока точно, где и как буду квартировать.

– Не извольте беспокоиться. Сколько нужно, пусть лежат чемоданы ваши. В полной сохранности будут, – заверил меня Тимофей.

Мы отошли несколько от конторы, тогда Федор Кузьмич объяснил свой диалог с Тимофеем.

– Детки у него, двойняшки – Татьяна и Иван, чрезвычайно непоседливы, – сказал Федор Кузьмич. – Хотя уже подростки, оба гимназию кончили. Оба умные да талантливые. Характер только подкачал. Вот Тимофей и опасается, как бы не напроказили. Они ведь, сами видите, происхождения простого, а в обществе приняты, за ум и сердце их уважают. Конечно, старик скандала боится как огня.

– Что ж возраст такой, что оскандалиться немудрено, тем более при бойком характере, – глубокомысленно заметил я.

– Да он не простого скандала боится, а выдумки. Иван-то на них горазд! Вот я вам расскажу, что они в прошлом году учудили! Да лучше не сейчас... К тому же вы обоих, и брата и сестру, можете сегодня же вечером увидеть.

– Каким же образом?

– Да, видите ли, сегодня вечер состоится в одном приличном доме, так я взял на себя смелость послать хозяевам записку, что буду не один, имея в виду вас, конечно.

– Право, неудобно, Федор Кузьмич! – я, наверное, даже покраснел. – Первый день в городе, а уже к кому-то...

– Что ж тут такого? Все лучше, чем дома скучать. И не к кому-то, а к супружеской чете Видясовых, фамилия в нашем городе небезызвестная.

– Я несколько смущен столь скорым приглашением...

– Бросьте, да не съедят же вас!

Мне ничего не оставалось больше, как согласиться.

Дорогой до трактира я успел осмотреться. Устюжна хоть и не блистала чистотой улиц и убранством домов, но впечатление производила хорошее, и дышалось мне до странности легко. Хотя был я озабочен одним обстоятельством. Мне вдруг стало странно: что это Федор Кузьмич так ко мне привязался? Как будто у него и дела другого нет, как меня обустроить. Но, забегаю вперед скажу, что разгадку этому вопросу я нашел уже через несколько дней. Дело в том, что явление пришельца, пусть даже заезжего чиновника из соседнего уезда, было в городе делом редким. Так что такая, в сущности, мелочь, как прибывший из Петербурга молодой учитель, вообще сравнима была с небольшим астрономическим явлением.

Ум у Федора Кузьмича был, очевидно, живой и подвижный, а потому жаждал нового, все равно чего – лишь бы как-то разнообразить череду дней. Так что будь я даже брюзливой петербургской старухой, приехавшей для того, чтобы кинуться головой в рудную шахту, и тут Федор Кузьмич оказал бы мне полное содействие.

Изрядно подкрепившись за завтраком, Федор Кузьмич спросил себе бутылку мадеры. Я же пил чай и уже поглядывал украдкой на часы, опасаясь, что под действием напитка Федор Кузьмич разомлеет и снова станет болтлив, как это уже случилось с ним на пути из Весъегонска. К счастью, я ошибся. Федор Кузьмич, оказалось, следил за временем даже лучше моего.

– Петр Григорьевич, вам бы стоило идти, если не хотите заставить начальство себя ждать, – тактично сказал он. – К сожалению, не смогу вас проводить, дела-с, – застенчиво потупив взор, объяснил Федор Кузьмич, после чего дал подробнейшее описание предстоящего мне маршрута, которым я с большим успехом воспользовался.

Директор Святопетровского реального училища Алексей Иванович Черновецкий принял меня в своем кабинете – средних размеров комнате с большим окном, очень опрятной и даже со вкусом обустроенной. Обстановка кабинета давала отчетливые представления о пристрастиях хозяина. Множество комнатных растений в горшках стояло на подоконнике и в дальнем углу кабинета. По стенам висели гербарии, забранные в рамы, и три гравюры, изображавшие разного вида папоротники, показанные в разрезе вместе с корневой системой, под каждым изображением была подпись на латыни.

Алексей Иванович был молодым мужчиной лет сорока, очень благопристойной, ухоженной наружности. Светлая борода окаймляла округлое лицо его. Нос, губы, рот – все было правильной и приятной формы. Костюм его также был безукоризненный. Но отчего-то рождалось впечатление, что все внешнее благополучие – не более чем ширма, за которой кроется некий трагический излом в судьбе или характере, а может, и тщательно укрываемый порок. Словом, с первой встречи к такому человеку в объятия бросаться не станешь.

– Поздравляю вас с прибытием, Петр Григорьевич, – сказал Алексей Иванович и одал меня крепким рукопожатием. – Хотелось бы сразу покончить с одним делом. Вам следует принять кабинет от вашего предшественника. Он, как вы, может быть, слышали... Впрочем, идемте. Все сами увидите.

Алексей Иванович решительно шагнул к двери, я последовал за ним.

– Этот заместитель ваш – Степан Кириллович, существо весьма странное, – говорил Алексей Иванович, чуть поворачив голову назад, поскольку я не поспевал за его скорым шагом и шел чуть позади. – Конечно, он абсолютно безобиден... Впрочем, возьмем-ка с собой Федора... Сделайте одолжение, подождите меня здесь одну минутку.

Алексей Иванович скрылся в боковом коридоре. Я же пока осмотрелся. Сразу было видно, что в училище поддерживается идеальный порядок. Правда, пока оно пустовало по случаю выходного дня, а, как известно, присутствие детишек порой сильно преображает и самые благообразные помещения.

Заскучать за разглядыванием стен я не успел. Алексей Иванович вернулся, кажется, даже раньше, чем через минутку. С ним был рослый детина с бульдожьим лицом, лет, наверное, пятидесяти, чрезвычайно крепкого сложения. Пожалуй, единственное, что выдавало его возраст, это редкие с проседью волосы да сильно обрюзгшее лицо.

– Вот, Федор Федорыч, познакомьтесь, – сказал Алексей Иванович. – Это Петр Григорьевич – новый наш преподаватель географии. А это – Федор Федорыч, наш смотритель, следит, чтоб на переменах отроки не слишком шалили в коридорах, – отрекомендовал Алексей Иванович детину.

Федор Федорыч слегка поклонился мне, но руки не подал.

– Давно бы пора, – сказал он, и губы его разъехались в неприятной улыбке.

– Что ж, идемте.

Мы последовали за Алексеем Ивановичем.

В кабинете нас ожидала довольно-таки забавная картина. Этот Степан Кириллович, о котором я уже столько слышал и, честно сказать, просто сторал от нетерпения поскорее его увидеть, оказался молодым человеком моих лет, быть может, чуть старше. Нас он встретил

вальяжно развалившись на стуле. Сразу замечу, что поза его была несколько расслаблена, отчасти и потому, что с самого утра, ожидая прихода «смены», Степан Кириллович сильно храбрился и не давал погаснуть в груди благородному пламени, время от времени подогревая его горячительным.

– Аааа, – протянул Степан Кириллович, завидев нас. – Пришли! Ну, что ж, вершите свой неправедный суд...

Дело наше состояло лишь в том, чтобы забрать у Степана Кирилловича ключи от кабинета, стола и шкафа, в котором хранились карты и еще кое-какая учебная мелочь. Он же навоображал себе бог весть чего, будто его сейчас поволокут в Бастилью. Однако я сразу понял, зачем Алексей Иванович пригласил с собой Федора Федорыча. Дело было в том, что рябое лицо Степана Кирилловича было напрочь лишено выражения, совершенно невозможно было определить, в каком расположении духа он находится, в гневе ли, в смущении? А добавьте сюда еще и мутный от водки глаз.

– Вот, Степан Кириллович, и замена вам прибыла, – сказал Алексей Иванович. – Потрудитесь освободить кабинет.

– Как вы угадали! Вот это-то я еще могу! Могу потрудиться! И труд мой будет оплачен стократно! – возвышая голос, говорил Степан Кириллович. Он сделал попытку встать со стула, но ноги не послушались, и дальнейшую тираду он был принужден произносить сидя. – Вскходы, посеянные мной, взойдут! Но как они окрутили вас? – обратился Степан Кириллович ко мне. – Я ждал престарелого сатрапа, верного пса режима, но вы столь молоды! Кто вы по убеждениям?

– Умоляю, только не отвечайте, – шепнул мне Алексей Иванович. – Иначе он никогда не кончит.

– Никаких особенных убеждений у меня нет, – сказал я, что было чистой правдой.

– Ах, вот оно как! – взвился было Степан Кириллович, но тут же и осекся, поскольку, видимо, ожидал услышать от меня другой ответ, а может, уже и дал его сам себе в собственной фантазии. Теперь он решительно растерялся, почесал грудь, ворот рубашки его был расстегнут. Сначала я подумал, что это для того, чтобы подчеркнуть вольнодумие, но, приглядевшись, увидел, что просто-напросто часть пуговиц на рубашке Степана Кирилловича отсутствует. – Ну, как бы там ни было... Впрочем, не надейтесь привить свои вредные взгляды учащимся. О! Я разглядел эти сердца! Это пламень! И они пойдут за мной, когда я... Впрочем, уже и сделалось кой-чего. О чем вы, конечно, знаете...

– Степан Кириллович! Сейчас не время для подобных речей, – прервал его Алексей Иванович с очевидным волнением. – Прошу вас сдать ключи и освободить кабинет.

– Не время, говорите вы?! – голос Степана Кирилловича снова возвысился, однако казалось, что он сейчас заснет, так он внезапно обмяк на своем (то есть, в сущности, на моем уже) стуле. – А когда, позвольте спросить...

– Ну, ладно, Степка, – выступил наконец вперед Федор Федорыч. – Кончилась комедь, кончай ломаться. Ключи на стол и топай.

– Ах, вот оно что? Вот, значит, методы... Ну, ничего..., – несмотря на сопротивление в речах, Степан Кириллович послушно искал ключи в карманах собственных брюк. Известно, сколько бы это могло продолжаться, если бы Федор Федорыч наконец не вышел из себя. Он схватил одной рукой Степана Кирилловича за шиворот и поднял как тряпичную куклу, свободной рукой он в один момент вытащил ключи на маленьком стальном колечке и положил их на стол.

– Что ж, позвольте хоть откланяться благородным манером, – проговорил вдруг Степан Кириллович, подняв на нас свое, как будто обрызганное грязью, лицо и все еще стоя на цыпочках, поскольку Федор Федорыч и не думал его отпускать. – Пусть мы и по разные стороны баррикад...

Договорить он не успел, Федор молча и сурово вытащил его из кабинета.

– Федор Федорыч, держите себя в руках! – крикнул из кабинета Алексей Иванович.

– Петр Григорьевич, – обратился он ко мне. – Мне жаль, что вы стали свидетелем всей этой сцены, однако мне не хотелось бы, чтобы вы выносили какие-либо суждения только лишь исходя из увиденного.

– И в мыслях не было, – ответил я. – А что, он и впрямь из «потрясателей основ»? Что он там кричал про «уже сделанное»?

Алексей Иванович досадливо махнул рукой:

– Да на оружейном заводе нашем кто-то разбросал прокламации революционного содержания. Об этом уж весь город знает, а этот, как сорока, несет да приукрашивает... Впрочем, довольно об этом. Вы пока обустроивайтесь, а потом заходите ко мне, получите списки учащихся, и насчет вашей квартиры потолкуем.

Обустроить мне было нечего, но для приличия я некоторое время посидел в отбитом у яковинца кабинете.

Глава IV. Выход в свет. Непоседливые гимназисты

В кабинете Алексея Ивановича я получил требуемые списки и адрес своей новой квартиры.

Как я вскорости узнал, мне предстояло жить в двух чистых и светлых комнатах, нанимаемых в доме одной чрезвычайно старой, почти ветхой солдатской вдовы. Хотя жилище мое располагалось далековато от места службы, почти уже на окраине, в рабочей слободе, комнатами я остался вполне доволен. Да и с хозяйкой, по-видимому, никаких сложностей не предвиделось, порой ее даже сложно было заметить.

Не успел я толком разложить вещи, как в дверь уже постучал Федор Кузьмич.

– Ну-с, позвольте поздравить с новосельцем! – воскликнул он, звонко хлопнув в ладоши. – Но вы, я вижу, еще не готовы?

– Да разве уже вечер? – удивился я.

– Помилуйте, шестой час! Уже давно пора нам ехать.

– Но позвольте мне, по крайней мере, переменить платье.

– Ну, бросьте, Петр Григорьевич! У нас ведь все запросто. К тому же воскресный вечер у Видясовых – дело обыденное.

Через несколько минут мы уже ехали в бричке по темнеющим городским улицам.

– Дом, в который мы едем, – говорил по дороге Федор Кузьмич. – принадлежит чете Видясовых – Осипу Петровичу и Марфе Никитичне. Он – милейший старичок, бывший предводитель местного дворянства, однако вот уже два года как сложил с себя полномочия, говорит, хлопотно стало. В общем, доживает свой век в благоденствии, устраивает вот эти вечера для старых знакомых. Супруга его – просто божий одуванчик, несколько религиозна в последние годы, так что будьте осторожны по части смелых идей. Остальных увидите сами. Вероятно, Петр Григорьевич, мне придется вас покинуть в какой-то момент, вы уж не сочтите за пренебрежение, но я ведь, если помните, обещал Тимофею приглядеть за его отпрысками.

– Да, расскажите же мне наконец о них, – просил я. – Что это за необычайные детки, за которыми постоянно нужен глаз?

Федор Кузьмич хитро улыбнулся, запустил руку за пазуху и извлек из внутреннего кармана сюртука плоскую фляжку. Сделав глоток, Федор Кузьмич снова улыбнулся:

– Расскажу, пожалуй, один прошлогодний случай, там, глядишь, сами все и поймете. Этот Иван – необычайный фантазер. И вот, вообразите, взбрело ему в голову убежать в Африку! Однажды утром собрал он свой ранец и отправился якобы в гимназию, а на деле подкараулил почтовую карету, вспрыгнул на заднюю площадку и покатил напрямик в Новгород. И если бы это все в одиночку было сделано, то еще полбеды. Но ведь он и сестрицу свою Татьяну за собой сманил. Впрочем, это только говорится – «сманил». Еще толком и неизвестно, кому идея-то принадлежала.

Хватились-то их быстро. Отец в тот день со службы отпросился, занемог, а может, сердце почуяло, бог весть. И вот заглянул он в детскую, смотрит – ящик комода неплотно закрыт, отодвинул его, а там учебники да тетради свалены. С чем же Иван да Татьяна в гимназию отправились? С утреца ранцы-то полные у них? Словом, кинулись искать, а никто не видел. Долго носились, вся полиция на ногах стояла. А Иван-то что придумал! Запас он большой кусок брезента и, когда они на почтовую-то вспрыгнули, этим брезентом себя и сестру укрыл. Так они незамеченными из города выскользнули. А как уж они из Новгорода в Петербург перебрались, того и сейчас никто не знает. Иван молчит об этом как рыба. Я уж думаю, не натворил ли он чего совсем безобразного, чтобы денег-то на билет добыть.

Словом, долго сыскать не могли, недели две, не меньше. Тимофей, бедняга, уж и поминальную хотел заказывать, а тут из Петербурга телеграмма приходит из полицейского управ-

ления, мол, нашлись такие-то, просим явиться и забрать. Вообразите, где их изловили: в зоологическом саду! Сторожа заметили, что некоторые животные недополучают пищи, да и кое-каких водоплавающих птиц недосчитались. Тимофею-то пришлось еще потом и штраф выплачивать, за исчезнувших птичек-с.

В общем, стали приглядываться и скоро обнаружили наших беглецов. Несколько дней кряду жили они в специальной конюшне, где антилопы гну стоят. Так представьте, что они еще и даваться не хотели, пытались бежать. Ивану так вообще это чуть жизни не стоило! Сбегая от сторожей, он не глядя перемахнул забор и очутился в вольере с нильским аллигатором! Слава богу, дни стояли прохладные и рептилия была несколько сонная, а так бог вещь чем бы кончилось!

Федор Кузьмич снова приложился к фляжке.

– Действительно, впечатляет! – сказал я. Мне даже как будто припомнилась читанная мною в прошлом году газетная статья в «Слухах» о том, как крокодил в зоологическом саду чуть не проглотил какого-то чумазого мальчишку.

– Не то слово! Ему бы на войне геройствовать. А что с эдаким в мирное время делать прикажете? Отец-то его пуще всего боится, чтобы он в революцию не ударился, – понизив голос, проговорил Федор Кузьмич. – Сейчас ведь, знаете, новое веяние. Марксизм в расцвете. А сказать по совести, таким, как Иван с Татьяной, поджег учинить или еще там чего-нибудь – это ведь сущие пустяки, забава. Вот и смотрим за ними всем городом. О, да мы на месте!

Наша бричка подкатила к особняку в два этажа и остановилась у подъезда. Федор Кузьмич необыкновенно ловко соскочил со своего места, он был разгорячен и деятелен.

– Прошу вас, Петр Григорьевич, не конфузьтесь, у нас тут все совершенно запросто! – наставлял меня Федор Кузьмич, когда мы взбирались по деревянному крыльцу.

Беда заключалась в том, что мне непросто было выполнить его наставления, поскольку в общество я попал впервые в жизни и чувствовал себя немножко Наташей Ростовской во время ее первого бала, только что никакого восторга не испытывал.

В прихожей нас встретил лакей, опрятный, но с несколько подловатым лицом. Он принял у нас пальто и проводил в гостиную. Это была большая комната, обставленная, что называется, с провинциальным шиком. Стены были оклеены полосатыми обоями с золотыми вензелями, напротив входа висел громадный гобелен, изображавший конных охотников в красных сюртуках и черных кепи, окруживших лису. На другой стене висело зеркало также изрядных размеров и в резной деревянной раме, под зеркалом стоял диван с шелковой обивкой. Рядом с диваном был небольшой журнальный столик. Во всех четырех углах гостиной стояли мягкие кресла на изогнутых ножках и со вздымающимися волнами подлокотниками. То там, то здесь вдоль стен стояли стулья, которые каждый желающий мог придвинуть куда ему вздумается, что, очевидно, должно было свидетельствовать о демократических взглядах хозяев. Однако не мне осуждать вкусы нашего провинциального дворянства. Более того, скажу прямо, что гостиная мне даже понравилась. Одно лишь меня сразу смутило: в комнате было чрезвычайно жарко, не по погоде натоплено. Мне сделалось немного душно, и сразу же дал о себе знать кашель, который, к слову сказать, не беспокоил меня уже вторые сутки.

В гостиной к нам сразу подошел хозяин – Осип Петрович Видясов, маленький, сухой как корешок старик с небольшой седенькой головкой и мышинным лицом, одетый во фрак и невероятно блестящие туфли.

– Вот, Осип Петрович, позвольте вам рекомендовать, – немного торжественно произнес Федор Кузьмич, пожимая руку хозяину. – Петр Григорьевич Карудо. Замечательный молодой человек, прибыл к нам на место безвременно ушедшего Павла Ивановича (так звали моего предшественника, того, что был еще до Степана Кирилловича).

Я был несколько смущен этим «замечательным молодым человеком». Однако Осип Петрович как будто пропустил это мимо ушей, он деликатно потупил взор и сочувственно покачал головой при словах о Павле Ивановиче.

– А вы к нам откуда прибыли? – спросил меня Осип Петрович, после непродолжительной паузы.

– Из Петербурга, только что окончил курс.

– Марфа Никитична! – оборотился он вдруг к старушке в черненьком вечернем платье. – Сделайте милость, подойдите сюда. Хочу вас познакомить.

Осип Петрович представил меня жене своей. Марфа Никитична расспрашивала о последних столичных новостях, особенно что касается театральных премьер. И хотя я был не слишком искушен в делах Мельпомены, мы втроем довольно приятно поговорили. Втроем, потому что Федор Кузьмич вдруг откланялся и побежал с кем-то еще здороваться. Марфа Никитична познакомила меня со своими подругами – в основном дамами пожилыми и степенными. В этом отношении в сегодняшнем обществе был явный перекося, в том смысле, что ни моих ровесников, ни даже кого-то около не наблюдалось.

Марфа Петровна объяснила, что их дочь Сашенька гостит в Москве у какой-то тетки, вот они и не стали созывать молодежь. Впрочем, я и тому был рад. Даже просто что обстановка была простая и непринужденная. Вообще, я чрезвычайно радовался, как счастливо все у меня складывается на новом месте. Сам город теперь ничуть не пугал меня. Я даже стал склоняться к мнению, что все эти разговоры о грязи и узости провинциальной жизни – не более чем наговоры столичных снобов. Наоборот, я не уставал радоваться чистоте улиц и помещений, да и люди были как будто приветливые. Все складывалось просто замечательно, вот только этот кашель!

– Позвольте мне похитить этого молодого человека, – вдруг вырос у меня за спиной Федор Кузьмич, в то время как я разговаривал с подругами Марфы Никитичны.

– Конечно-конечно, – зашебетали старушки. – Разве можно нам его задерживать. Молодежь должна развлекаться. А с нами какое веселье? Петр Григорьевич, мы чрезвычайно рады знакомству.

Я поклонился дамам и отошел вместе с Федором Кузьмичом.

– Я единственно сказать, – заторопился тот, – что, быть может, мне сейчас придется удалиться. Иван и Татьяна куда-то пропали. Осип Петрович говорит, что они уже прибыли, а вот где они нынче... Как бы не натворили чего...

Но не успел Федор Кузьмич кончить, как двери в гостиную шумно распахнулись. В проеме появились двое – молодой человек и девица. Молодой человек был в гимназической форме и даже в фуражке, которая, правду сказать, сильно съехала на затылок. Девица была в простом темно-синем платье и с двумя тугими косичками, столь короткими, что становилось очевидным: волосы ее не так давно были обрезаны. Самое же необычное в их появлении было то, что и гимназист и девица были ведомы весьма странным господином.

– Слава тебе господи, – вырвалось у Федора Кузьмича. – Нашлись.

– А кого я в прихожей изловил!? – громогласно прокричал господин, на лице его сияла веселая, но уж очень хищная улыбка.

По гостиной так и понеслось – «Барон!», «Барон!». Тот, кого все называли бароном, был невеликого роста господин, плотный, но весьма упитанный, лицо его украшали невероятных размеров рыжие усы, торчавшие совершенно параллельно полу. Голову барона, словно огненная корона, венчала рыжая шевелюра, карие глаза светились, будто у волка.

Как только у собравшихся в гостиной перестало звенеть в ушах от возгласа барона, все тотчас бросились к нему и обступили тесным кругом, заговорили, загомонили. Видно было, что рыжий господин – всеобщий любимец.

– Везучий вы человек, – шепнул мне Федор Кузьмич. – В один вечер и нашему барону будете представлены!

– Кто ж он таков? – я был заинтригован.

– О, в двух словах не скажешь! Барон Мартин фон Лей, – несколько торжественно произнес Федор Кузьмич так, будто я должен был тут же и ахнуть: «Неужели тот самый!»

– Вы пока здесь постоитте, Петр Григорьевич, я вас обязательно познакомлю, – заверил Федор Кузьмич. – Я пока побегу расспрошу, где это он наших беглецов настиг.

Когда ушел Федор Кузьмич, я вдруг понял, что нахожусь в полном одиночестве. В один миг я стал никому не интересен и не нужен. Именно этого больше всего я и боялся, думая о своем выходе в свет, что придется целый вечер простоять в уголке с робкой надеждой, что хоть кто-то обратит на меня внимание. Мне сделалось ужасно неудобно. Даже кашель вдруг усилился и грозил перейти в настоящий приступ. В то время как из толпы, окружившей барона, доносился весьма звонкий голос гимназиста: «Да бросьте! Выдумают в самом деле – бежать! Вот вам слово – захотелось воздуха глотнуть. Уж очень тут сперто!», я, прижав к губам платок, пытался совладать со рвущимся из груди кашлем.

– Как нехорошо это у вас, – вдруг услышал я подле себя.

Я обернулся на звук голоса и с удивлением обнаружил, что в том же углу, где стою я, сидит пожилой господин в простом черном сюртуке и брюках. Человек этот был, очевидно, в годах: седые белоснежные волосы обрамляли его голову от одного виска до другого, лоб и макушка были абсолютно лысые. Такими же седыми были и усы, и аккуратно подстриженная борода клинышком. Господин смотрел на меня поверх очков в тонкой стальной оправе.

– Так вам этого оставлять нельзя, – продолжал господин.

– А вы, простите, медик? – спросил я, от удивления кашель несколько перестал.

Он слегка наклонил голову:

– Если угодно, заходите ко мне прямо завтра, – сказал господин. – Хотя я вижу, что у вас не чаотка, но все же запускать не советую.

Господин сунул руку во внутренний карман сюртука, вынул оттуда карточку и протянул мне. Правда, прочитать ее я не успел.

– Андрей Пшемислович! – раздался вдруг молодой бойкий голосок. – С кем это вы тут?

Я обернулся и увидел только что введенную девицу, очевидно, Татьяну.

– Да вот, Татьяна Тимофеевна, – господин встал с кресел. – Еще и сам не успел отрекомендоваться. Андрей Пшемислович Болицкий, – протянул мне руку господин.

– Петр Григорьевич Карудо.

– Татьяна Тимофеевна Зайцева, – подражая моему тону, протянула мне руку девица. Она смотрела мне в глаза столь прямо, что я невольно смутился, как-то неловко пожал ее пальцы, чем привел эту особу в совершенный восторг. Она залилась веселым смехом, а я не знал, куда деть себя от смущения.

– Не обращайтесь внимания, Петр Григорьевич, – видя мое положение, сказал Андрей Пшемислович. – Она еще совсем ребенок.

По моим-то наблюдениям, этот «ребенок» уже вошел в ту пору, когда пора бы вести себя несколько сдержаннее. Вслух я эту мысль не озвучил.

– Ну, что вы как воды в рот набрали? – спросила меня Татьяна Тимофеевна. – Скажите же нам, кто вы такой, таинственный незнакомец.

Я сообщил, зачем прибыл в Устюжну. Услышав, что я простой учитель географии, а не граф Монте-Кристо или, на худой конец, не беглый революционер, Татьяна Тимофеевна заметно поскучилась.

– А, так вы ученый! – протянула она с иронией. – В таком случае, оставлю вас вдвоем. Я ведь еще слишком мала, еще ребенок для ваших разговоров.

Не дожидаясь ответа, Татьяна Тимофеевна повернулась и ушла обратно к обществу, окружавшему барона. Там уже завязалась какая-то оживленная дискуссия. Иван Тимофеевич, видимо, пикировался с бароном. А я не мог не заметить, как изогнулась талия Татьяны Тимофеевны, когда она отворачивалась от нас.

– Вот ведь характер, – улыбнулся Андрей Пшемислович, имея в виду Татьяну Тимофеевну.

– Уже слышан отчасти, – сказал я. Меня несколько задели слова девицы, но больше всего я досадовал на себя, что не нашелся, чего бы такого ответить, чтобы еще хоть ненадолго задержать ее рядом с собой.

– Господа, – вдруг вышел на середину комнаты Осип Петрович. – Поскольку все теперь в сборе, прошу отужинать.

Все общество шумно и весело потянулось в столовую. Гости стали рассаживаться. Было видно, что многие садятся по давно заведенному ритуалу, то есть на «свои» места. Федор Кузьмич выхлопотал мне место поближе к центру стола, рядом с одним господином, которого я не приметил в гостиной, что было довольно странно, поскольку размеров этот господин был почти невероятных. Точно пригорок, сидел он на своем стуле. Чуть только мы все уселись за стол, человек этот успел набрать себе целую тарелку закусок и с умильной улыбкой на румяных губах отправлял их в рот одну за другой, изредка сладко причмокивая.

Федор Кузьмич успел шепнуть мне на ухо, что зовут этого крупного господина Антон Карпович, представлять же нас друг другу не стал. Антон Карпович не проявил к моей персоне ни малейшего интереса, даже головы не повернул. Вся его мысль, кажется, была сосредоточена на угощении. В лице читалась необыкновенная благостность человека, никогда не знавшего невзгод, чрезвычайно выпуклые глаза его светились кротким, но непобедимым счастьем, в особенности это стало заметно, когда подали горячее.

Главной новостью вечера мне не суждено было стать. Все внимание было обращено на барона, он шутил и балагурил, подтрунивал над иными из гостей, очень налегал на жареное и на красное вино. То, что он привык к роли «души общества», тоже было очевидным. За столом разговор шел большей частью о политике, но, странное дело, не о нашей, а о немецкой. Барон безо всякого стеснения выказывал свои бисмаркианские взгляды, за что Иван Тимофеевич называл его костным консерватором и, как раз наоборот, все время норовил съехать на наши отечественные вопросы.

Меня даже несколько удивляло такое увлечение политикой, не только здесь, а даже еще со времен учебы моей в институте. Не было у нас студента, который хоть раз да не высказался бы о противостоянии народников и марксистов, о рабочем движении, положении и роли крестьянства и прочее. Пожалуй, я был единственным студентом института, которого политика не трогала. Был, правда, еще Краснецкий (тот, что покончил с собой), но он был нарочито аполитичным, что тоже в своем роде политическая позиция.

Мне же все это было просто неинтересно и скучно, потому я больше следил за говорившими, нежели за самим разговором, и за бароном прежде всего. Я смотрел на этого странного человека и не мог себе уяснить, в чем сила его неотразимого обаяния. Был он невысок ростом, пузат, коротконог, имел большеносое лицо и выпученные глаза. К тому же эта дикая, невозможная рыжая шевелюра вкупе с усами придавала нечто разбойничье его образу.

Справедливости ради замечу, что, невзирая на некоторую несуразность его фигуры, в этом человеке угадывалась большая физическая сила и ловкость. Был он явно незлобив, хотя и вспыльчив. Меня же, главное, раздражала в нем манера постоянно смеяться, широко разевая рот, так что можно было сосчитать все его почти совсем не испорченные зубы. За этими мыслями я не вдруг заметил, что обращаются уже ко мне.

– Петр Григорьевич, а вы что на это скажете? – обратился ко мне Осип Петрович.

– Я, в сущности... – замялся я. – Вопрос неоднозначный, – я отчаянно пытался воскресить в памяти хотя бы начало разговора, в то время как все взгляды в ту минуту были направлены на меня.

– А ведь нас еще не представили друг другу! – воскликнул барон. – Прошу простить великодушно! Мартин Людвигович фон Лей!

Услышав мою фамилию, барон вдруг сдвинул кустистые брови и завращал глазами:

– Карудо, Карудо, – бормотал он. – Не тот ли самый, что при Петре Великом пустил на дно шведскую каравеллу «Христина»?

Таковой подвиг действительно принадлежал к числу славных дел моего пращура на службе Его Величества. Как оказалось, барон фон Лей крайне интересовался историей российского флота. Помимо псовой охоты это было его второй и последней страстью. Более того, он и сам служил морским офицером, еще при Александре III, но был разжалован «по одному досадному случаю».

После этих его слов о разжаловании в обществе воцарилось странное молчание, я даже почувствовал неловкость, сам не знаю почему. Однако барон довольно быстро нашелся и уже через несколько секунд снова реготал на всю столовую и рассказывал историю о том, как «шельма боцман» пытался утаить от него бочку рома.

Я решил внимательнее следить за разговором, хотя бы и не принимая в нем прямого участия. Через некоторое время я сделал два любопытных наблюдения. Первое касалось моего нового знакомого Андрея Пшемисловича. За весь вечер он не вымолвил ни слова. Но не это главное. Наблюдая за ним, я вдруг заметил, что как только барон особенно разгорячался, то начинал уж чересчур громко говорить или гоготать или же делал некие пассажи на животрепещущие темы вроде того, что всех рабочих местного завода, «а рудных шахт тем паче», стоило бы выстроить на площади да хорошенько высечь, чтобы хоть «через задние ворота повышибать из них прокламации, революцию и прочую дурь».

– Лично бы занялся этим богоугодным делом! – присовокуплял барон.

– Эх, Мартин Людвигович, если бы не фамилия ваша, так вам бы в «Черную сотню» прямая дорога, – саркастически замечал на это Иван Тимофеевич.

Барон сразу же закипал и начинал кричать о Бисмарке, Баварии и благородстве. Андрей Пшемислович же в эти минуты сильно хмурился. Вообще, по неким неуловимым знакам я сумел прочесть, что этот тихий человек недолюбливает барона. Быть может, он и сам стыдился этого чувства, но никакими силами не мог скрыть его. Тогда же показалось мне, что это не просто бессильная злоба тихого интеллигента к шумному, пускай и глуповатому, но зато всеми любимому фанфарону. Нет, тут угадывалась некая противостоящая воля, нечто глубокое и, как вскоре выяснилось, личное.

Второе же наблюдение, сделанное мной во время ужина, казалось мне в тот момент куда более интересным, поскольку относилось к Татьяне Тимофеевне. Я вдруг заметил, что довольно-таки часто встречаюсь с нею взглядом. Она определенно наблюдала меня, и не без интереса.

Сначала, откровенно сказать, конфузился, но скоро заметил, что взгляд Татьяны Тимофеевны даже скорее приглашающий, нежели просто любопытствующий. Конечно, она была девицей еще совсем юной, но и сейчас в ней угадывался глубокий ум, а может, еще и сердце.

К концу ужина между нами завязалось что-то вроде игры: мы коротко взглядывали друг на друга и, не в силах сдержать улыбки, отворачивались. То есть я-то вполне мог сдержаться, а вот Татьяна Тимофеевна так почти что прыскала в маленькую ладошку.

После ужина гости стали вдруг расходиться, хотя вечер, кажется, только начинался. Я оглядывался кругом и не мог нигде найти Федора Кузьмича. Неожиданно он сам появился из какого-то дальнего угла гостиной. Федор Кузьмич подошел ко мне, пряча за пазуху свою фляжку, и повел прощаться с хозяевами. Распрощавшись и заверив друг друга в обоюдной

приятности знакомства, мы расстались с Марфой Никитичной и Осипом Петровичем. Более с нами никто не прощался. И я почувствовал себя несколько уязвленным от того, что Татьяна Тимофеевна не послала мне своего взгляда на прощание.

Мы вышли на крыльцо. Для того, чтобы сойти с лестницы, Федору Кузьмичу понадобилась моя рука. Хотя ноги его были не вполне послушны, рассудок он сохранял здоровый и к беседе был совершенно пригоден, и даже охотлив до нее.

Глава V. Враги навеки

– Ну, что скажете? – спросил меня Федор Кузьмич, когда мы уже тряслись по темным улицам в нашей бричке. – Как вам понравилось местное общество? Не слишком вульгарное, на ваш вкус?

– Что вы, побойтесь бога! Милейшие люди, – ответил я.

– Да, сегодня скучновато было. Но, видите ли, обстоятельства: Осип Петрович завтра должен спозаранку в деревню отправляться, по каким-то личным делам, потому и карт не было. Обыкновенно-то после ужина старички за вист садятся, ну, или еще там что-нибудь. А молодежь сама по себе. Однако сегодня и молодежи не было.

– А как же Иван да Татьяна Тимофеевна?

– Ну, это еще сущие дети! Только б до дома добрались. Я их перепоручил там одному господину, он с Тимофеем на одной улице живет. К тому же личный экипаж. Обещал довести. Кстати, как вы их нашли?

Мне не хотелось говорить о Татьяне Тимофеевне, а об Иване Тимофеевиче и сказать было нечего, кроме того, что это ужасно бойкий мальчишка со страшно преувеличенными понятиями обо всем на свете. Потому я попытался изменить тему:

– Скажите, а этот доктор – Андрей Пшемислович, кажется, довольно оригинальный человек.

– О да! И весьма! В своем роде самородок, – прямо загорелся Федор Кузьмич.

– Отчего ж он весь вечер молчал? Кажется, кроме меня, он и двумя словами ни с кем не перекинулся.

– Да, в том-то и оригинальность его. Впрочем, тут одним словом не скажешь. Андрея Пшемисловича узнавать надо! И к тому же сегодня... обстоятельства явились не те, чтоб у него была охота говорить, – уклончиво сказал Федор Кузьмич.

– Уж не барона ли вы имеете в виду? – спросил я.

– А у вас меткий глаз, Петр Григорьевич, – Федор Кузьмич даже прищурился и погрозил мне пальцем. – Вот что, ехать нам еще прилично. Пожалуй, расскажу вам кой-чего об этих господах, коли вы и сами угадали конфронтацию между ними. Простите великодушно!

Федор Кузьмич снова запустил руку за пазуху и сделал изрядный глоток своего напитка.

– Вы хоть и были сегодня свидетелем, так сказать, единовременного присутствия доктора и барона под одной крышей, – начал свой рассказ Федор Кузьмич. – И вроде как ничего страшного не произошло. Однако смею заверить вас, что два этих человека буквально на дух не переносят друг дружку. Кстати, сегодняшний вечер столь рано завершился отчасти и потому, что хозяева побоялись, чтоб Андрей Пшемислович с Мартином Людвиговичем как-нибудь не столкнулись. Так вот, взаимная эта неприязнь у них очень давняя и зародилась даже не у нас здесь.

Вообразите, что Андрей Пшемислович, ныне столь тихий и кроткий, некогда был склонен к авантюрам. И не просто, знаете ли, каким-то там, а самым натуральным. Словом, случилось нашему доктору лет эдак тридцать назад отправиться в путешествие к побережью Южной Америки. Хотя экспедицию эту и организовывало Русское географическое общество, но вы сами можете себе представить, как у нас проделываются такие дела. Тем более что интересы путешественников были какие-то специальные, по разумению начальства, не могущие принести пользы отечеству.

Словом, снаряжалась экспедиция ни шатко ни валко, все больше на энтузиазме самих ученых. И вот одним таким энтузиастом и был тогда еще юный медик Андрей Пшемислович Болицкий. Ехал он в экспедицию в качестве судового врача. Не знаю деталей, а и не так уж они важны! Однако до берегов южноамериканского континента корабль не дошел. Потерпел кру-

шение невдалеке от какого-то небольшого островочка. И хотя крушение происходило в непосредственной близости от суши, из-за дрянного снаряжения и плохой подготовки команда не имела сил и средств спасти себя. Погибли все. Кроме нашего доктора, конечно. Да и того вынесло на берег, сам он не помнит как.

Остров тот был людьми необитаем. Подчеркиваю – людьми! Зато там жила огромная колония обезьян – эдакие крупные особи с рыжего цвета шерстью и называются, кажется, рыжие бородачи. Как говорит доктор, повадкой очень схожие с людьми. И даже некое подобие общества у них имеется. Это, конечно, дело известное, дарвинизм и все прочее, но мне лично с трудом верится...

И вот представьте себе, Петр Григорьевич, что животные эти буквально спасли Андрея Пшемисловича, найдя его, ослабевшего и почти совсем без сознания, на побережье, куда спускались в поисках моллюсков! Вообразите, что дикие животные, которые, может, и человека никогда не видывали, не только спасли Андрея Пшемисловича от смерти, но и приняли его в свою стаю. Так что жил доктор на острове не как Робинзон, а скорее как Маугли.

Сам Андрей Пшемислович не слишком распространяется о своей роли в стае, однако же говорил, что жил с приматами «совершенно на равных». А пробыл он на острове без малого год! Пропавшей экспедицией на родине не больно-то интересовались, и неизвестно, стали бы вообще когда-нибудь искать ее, если бы не объявился молодой и настырный флотский офицер. И хотя был он чистокровным немцем, за честь и славу российского флота ратовал чрезвычайно. Как вы, наверное, догадались, офицером этим был капитан Мартин фон Лей.

По какой-то неизъяснимой причине он считал пропажу российского судна и отказ от каких-либо поисков его настоящим позором, несмываемым пятном на чести русского флота. Всеми правдами и неправдами он добился-таки снаряжения поисковой экспедиции и также, как доктор годом ранее, отправился в южные моря. Все, что происходит с капитаном и доктором дальше, – чистой воды фантазмагория! Настоящий роман, такой, что и Жюль Верну не под силу!

Представьте себе, что доктор совершенно сжился с обезьянами, о спасении совершенно не помышлял и, соответственно, никаких сигналов, вроде костра на берегу, не устраивал. При таковых обстоятельствах найти его не представлялось возможным. И вот, когда барон, изрядно побороздив предполагаемые широты крушения исследовательского судна, счел, что все возможное для поиска пропавших сделано, решил поворачивать паруса, из воды неожиданно вытолкнуло бочку! Сначала одну, потом еще и еще! Бочки, очевидно, хранились в трюме потонувшего корабля, но то ли прогнившие доски переломились, то ли судно как-нибудь сдвинулось на морском дне.

Словом, произошло невероятное стечение обстоятельств. Случилось это, как вы понимаете, у берегов того островка, где обитал Андрей Пшемислович. Конечно, на берег сразу была отправлена команда, возглавил которую сам барон. Дальнейшие поиски доктора не заняли много времени. Согласитесь, среди обезьян он был все-таки фигурой заметной. Хотя барон и говорил в кругу друзей, что Андрей Пшемислович имел вид «преотвратительный и зверский». Вместо платья на нем болтались лохмотья, борода и волосы отросли и сваялись, купанием, видимо, доктор пренебрегал совершенно. В общем, вид имел убогий и жалкий.

Но каково же было удивление барона и всей команды, когда доктор наотрез отказался подняться на палубу спасательного судна! То есть и не отказался, поскольку во все время от первой встречи и до расставания уже в порту Новороссийска доктор не сказал с командой и слова. Кроме одного человека, но об этом позже! При виде людей он попросту развернулся и удрал в джунгли вместе со стаей обезьян! Причем, по словам очевидцев, двигался весьма и весьма проворно, и хоть и отставал от прочих особей, но все же проявил почти невероятную прыть! Конечно, спасатели справедливо решили, что доктор тронулся умом. Сердца команды

переполнились христианскими чувствами, и они решили во что бы то ни стало изловить доктора и водворить на родину. Решить-то решили, однако сделать это оказалось мудрено.

Более недели команда жила на острове, постоянно карауля доктора. Его окружали, пробовали изловить сетью, подманивали человеческой пищей и прочее и прочее. Но всякий раз доктор задавал такого стрекача, что членам команды оставалось только подивиться, как это человек может с такой ловкостью и бесстрашием прыгать по веткам да лианам, всякую минуту готовый сорваться и сломать себе шею. Правда, барон заметил, что и сами обезьяны содействовали доктору, иногда так просто перебрасывали его на далеко отстоящую верхушку дерева.

Неизвестно, сколько бы продлилась охота, если б в дело снова не вмешался случай. Дело тут в том, что эти обезьяны – красные бородачи являются переносчиками одной специфической формы лихорадки, хоть и не смертельной в большинстве случаев, но для человека весьма тяжелой болезни. Единственным средством от нее является обильное питье и горячая пища. Если с питьем у доктора проблем не было, то уж горячих блюд он в своем обезьяньем стаде получить не мог.

Словом, однажды доктора нашли лежащим в кустах под вековым платаном со всеми признаками лихорадки. Теперь уж взять его не составляло сложности, но вот обезьяны совсем не спешили расставаться с Андреем Пшемисловичем. Как только люди положили доктора на здесь же срубленные носилки, животные подняли страшный шум. Вообразите – около сотни крупных обезьян голоса и скачут вокруг горстки людей. Очень скоро в спасателей полетели плоды, палки и даже камни. Тут барон выхватил ружье да и уложил наповал одного крупного самца. Звук выстрела и гибель соплеменника привели обезьян в неопиcуемый ужас. С визгом они бросились в чашу и очень скоро исчезли. Доктор же, как ни был слаб, заметил выходку барона и яростно захрипел, глядя ему прямо в глаза.

Доктора переправили на корабль. Там выяснилось, что его ни в коем случае нельзя перевозить на такой стадии болезни. Судовой врач заверил барона, что Андрей Пшемислович не проживет и ночи, если сейчас поднять якорь. Следовало ждать, по крайней мере, сутки. Ожидание растянулось на три дня, и в эти три дня произошло одно пренеприятное событие.

На борту доктора, несмотря на болезнь, содержали в запертой каюте. Но на трети уже сутки ожидания, барону не спалось ночью, он вышел на палубу и тихонько сидел у мостика да покуривал трубку. Как вдруг он увидел Андрея Пшемисловича, крадущегося по палубе. Как рассказывал барон, доктор еле держался на ногах, то ли от качки, то ли от не преодоленной еще болезни. Барон немедленно поднялся и направился к доктору, но тот, лишь только завидев фигуру барона, сиганул за борт! Так хотелось ему в тот момент вернуться к любимым обезьянам!

Словом, выловили доктора уж совсем полуживого и вернули в каюту. Как выяснилось, Андрей Пшемислович все же не совсем пренебрегал человеческой речью и смог убедить судового врача, что ему необходимо подышать свежим воздухом. Когда все это всплыло, барон пришел в неопиcуемый гнев и приказал за ослушание приказа наказать судового врача плетями. Того преобильно высекли, но вот беда! Он был единственным действующим медиком на корабле, а потому ссадины ему толком обработать никто не смог. Через два дня судовой врач умер от заражения крови. Из-за этого эпизода барон вынужден был подать в отставку и вообще чудом избежал суда. Сами понимаете, Петр Григорьевич, кого барон склонен винить в своих злоключениях.

Доктор кое-как оправился за время пути в Россию, но говорить по-прежнему отказывался. По прибытии в Новороссийск его сразу определили в госпиталь, сначала военно-морской, а потом, как лихорадка спала, перевели в клинику для душевнобольных. Точно не могу сказать, сколько времени там провел доктор, но факт тот, что вышел он совершенно излеченным, переехал в Петербург и даже довольно скоро вернулся к медицинской практике. Правда, явилось в его жизни новое направление.

Доктор вдруг очень полюбил животных. То есть он, может, и раньше любил, но теперь эта любовь превращалась в страсть. Он решился было стать ветеринаром, однако выяснилось, что для этого ему придется сдавать аттестационный экзамен, в ходе которого ему не раз придется препарировать то или иное животное. От этого доктор, конечно, отказался и решил оказывать медицинскую помощь животным, так сказать, частным образом. И, представьте себе, его практика даже имела успех. В особенности у петербургских дам – любителейниц маленьких собачек, мопсов и прочее.

Но и в Петербурге доктор не задержался, как он говорит и ныне: «городская среда ему опротивела». Сначала Андрей Пшемислович получил место врача в нашей городской больнице, но очень скоро занялся частной практикой. В нашем обществе его сразу полюбили за тихий, незлобивый нрав и какую-то еще детскую восторженность, с какой доктор говорит о природе и ее обитателях. И все шло чудесным образом, пока к нам не вернулся помещик нашего уезда – барон Мартин Людвигович фон Лей. Вообразите удивление этих двоих, когда они нос к носу столкнулись на вечере у Осипа Петровича! Тут и описывать даже нечего: немая сцена! И все общество, как-то разом почувствовало это напряжение. Одно время тут у нас даже своеобразный раскол случился! Все вдруг разделилось на сторонников доктора и сторонников барона.

Было это года три тому, когда доктор решил помешать охоте барона. Барон ведь у нас, знаете ли, охотник страстный и удалой. Так Андрей Пшемислович, зная это, устроил в лесу какие-то приспособления, весьма хитрые и изобретательные! Стоит охотнику случайно задеть ниточку в траве, как где-нибудь на макушке ели начинает вертеться трещотка и всю дичь распугивает! Барон даже в суд обратился, чтоб принудить доктора убрать эти трещотки, поскольку охотится барон все чаще в собственных лесах. Суд прошение удовлетворил, но это что! Андрей Пшемислович еще кой-чего выдумал... Ах ты, батюшки! Вот мы и приехали. А я-то заболтался. Хотя, Петр Григорьевич, тут всего и не расскажешь. Но сами все увидите и узнаете. Приятной вам ночи! – сказал Федор Кузьмич.

– И вам, – ответил я. – И спасибо вам еще раз. Вечер действительно был интересный.

– Да бросьте, – махнул рукой Федор Кузьмич и расплылся в несколько жеманной, но все же искренне смущенной улыбке. – Смеетесь вы надо мной.

– Всего доброго! – попрощался я и взошел на крыльцо своего дома.

Федор Кузьмич покатыл по ночной улице, но во мраке я успел разглядеть, как высоко вдруг вскинулась его голова.

Глава VI. Визит к доктору

Утро следующего дня принесло мне множество разочарований. Первое было то, что мне действительно стало хуже. Ночью я спал крепко и не просыпался, но зато утро начал с долгого и глубокого приступа кашля. По дороге в училище я осознал причину ухудшения. Мне, кажется, уже довелось упомянуть, что квартиру я нанимал совсем близко от рабочей слободы. В первые часы пребывания на квартире место это показалось мне очень тихим и чистым, но то оказалось лишь видимостью, затишьем по случаю выходного дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.